

Король Уэрха приколот орден, символизирующий почет и доблесть, к груди стоявшего впереди мужчины. Камера крупным планом выхватила лицо Стража: суровое, бесстрастное, но взгляд его, подобный взору хищной птицы, казался настолько острым, что, казалось, пронзал насквозь. Он смотрел прямо в объектив, после чего отдал четкий, безупречный воинский салют.

Это была всего лишь запись. Человек на экране смотрел на короля, а не на него, однако Шань Хэ показалось, будто этот взгляд направлен прямо в душу. В тот миг, когда их глаза — пусть и опосредованно — встретились, он весь подобрался, а сердце в груди забилося в бешеном, неконтролируемом ритме.

Хлоп! Шань Хэ резко выключил световой мозг и, словно обессилив, откинулся на спинку кресла.

Этим человеком был Рейно, самый молодой генерал Империи, его будущий партнер по шоу, где они должны были изображать влюбленных... Почему же, несмотря на то что они никогда не встречались, этот образ казался ему таким знакомым?

Весь день Шань Хэ пребывал в смятении. Даже когда он лег в постель, мысли в голове путались, а перед глазами раз за разом всплывал момент, как Рейно спрыгивает со своего Меха. Шань Хэ изо всех сил пытался выкинуть этот образ из головы, но, как назло, тот словно пустил корни глубоко в его сердце.

Шань Хэ впервые в жизни страдал от бессонницы, думая о незнакомом мужчине.

Всю ночь он ворочался с боку на бок, словно блин на сковороде, и по-настоящему уснул лишь тогда, когда за окном уже запели утренние птицы.

Обычно в выходные Шань Хэ готовил себе сам, но на этот раз сил подняться просто не было. Проснувшись в полдень в полузабытьи, он съел обед, приготовленный домашним интеллектуальным помощником, а затем вытащил шезлонг в маленький садик. В тени деревьев, под ласковым теплом солнца, он снова задремал.

Возможно, он был слишком утомлен, поэтому даже не услышал будильник. Сон был настолько приятным, что, когда Шань Хэ наконец открыл глаза, чувствуя себя отдохнувшим и готовым к съемкам, на часах было уже больше пяти вечера.

До начала записи оставалось всего два часа! Если не поторопиться, он опоздает!

Осознав, что времени в обрез, Шань Хэ вскочил, умылся и бросился в гардеробную на втором этаже.

Двух часов для подготовки было катастрофически мало. Хотя мужчинам собираться куда

проще, чем женщинам, макияж, прическа и подбор наряда обычно занимали пять-шесть часов, не говоря уже о съемках в подобном интервью в прямом эфире — тут и недели подготовки было бы мало.

К счастью, эстетика этого мира сильно отличалась от прошлого, что дало Шань Хэ небольшую фору.

Из-за многолетнего смешения кровей черты лица людей становились все более единообразными. Однако, поскольку гены представителей белой и черной рас проявлялись во внешности слишком отчетливо, большинство людей в этом мире обладали довольно рельефными, четко очерченными чертами лица.

Шань Хэ же внешностью походил на представителей азиатской расы с древней планеты Ланьюй: маленькое лицо, светлая кожа, тонкие, мягкие черты, придающие ему вид человека кроткого и безобидного. В прошлом некоторые могли бы бестактно назвать его смазливым, но сегодня такой типаж стал одним из самых популярных в шоу-бизнесе.

Все в мире подчиняется закону редкости: если раньше в индустрии ценились метисы, сочетавшие в себе восточные и западные черты, то теперь, когда у большинства людей лица стали слишком резкими, мягкая азиатская внешность Шань Хэ оказалась в фаворе.

Поэтому, если только артист не стремился намеренно создать образ сурового мачо, большинство звезд просили визажистов сглаживать слишком выдающиеся черты: высокие скулы, широкие носы или пухлые губы.

Шань Хэ же в этом не нуждался. Его природная красота была столь безупречна, что визажисты, которым порой приходилось наносить ему грим, лишь сокрушенно вздыхали: ни убавить, ни прибавить, любое вмешательство было бы преступлением против совершенства.

Но даже без макияжа Шань Хэ нервничал: ему нужно было подобрать наряд, подходящий для программы.

Шань Хэ обладал сильным характером и привык сам готовиться к съемкам. И вот сегодня, даже несмотря на то что Небесный король Шань был признанным иконой стиля, чьи выходы неизменно попадали в тройку самых модных образов, он совершенно не знал, что надеть.

В гардеробной площадью тридцать квадратных метров было полно вещей от спонсоров. Обычно он легко находил здесь что-то подходящее, но сейчас, глядя на переполненные вешалки, он впал в ступор.

Казалось бы, просто записать программы, можно было бы одеться в привычном стиле кэжуал. Но одна мысль о том, что ему придется сидеть напротив самого молодого генерала Империи, приводила его в замешательство.

Как, черт возьми, одеться?!

Костюм? Слишком официально!

Джинсы? Слишком небрежно!

Повседневное? Слишком несолидно!

Глядя на четыре шкафа с одеждой, Шань Хэ был готов взвыть. Это же надо было так усложнить! Он ведь не на свидание вслепую идет, к чему столько забот?

Подождите, свидание?

При мысли об этом слове Шань Хэ лишился дара речи. Похоже, цель фанатов, проголосовавших за его участие, мало чем отличалась от сватовства. К тому же его нынешнее поведение — нервные примерки в попытках подобрать идеальный наряд для встречи с генералом — ничем не отличалось от поведения благородной девицы из древних времен, которая дрожит от волнения перед первой встречей с женихом.

Шань Хэ представил, как он, превратившись в застенчивую барышню, краснеет перед генералом...

О, нет! Хватит! Зачем он, взрослый мужчина, воображает себе всякую чушь? Это же ужасно стыдно!

Отряхнувшись от навязчивых видений, Шань Хэ почувствовал себя совсем плохо.

После долгих мучений он выбрал новый костюм из последней коллекции бренда, лицом которого являлся. В отличие от строгих черных или серых пиджаков, этот был синим, из хлопково-льняной ткани, полуспортивного кроя. Опасаясь выглядеть слишком официально, Шань Хэ решил не надевать пиджак, а рубашку оставил расстегнутой на две верхние пуговицы, открывая изящные ключицы.

Хоть этот образ и не был идеальным, он выглядел достойно: не слишком помпезно, но и не небрежно.

С чувством, будто он идет на плаху, Шань Хэ прибыл в кинокомпанию Манха. В отличие от обычных дней, когда на парковке для звезд всегда были свободные места, сегодня здесь яблоку негде было упасть.

Взглянув на припаркованные сверху роскошные аэрокары, которых он раньше никогда не видел, Шань Хэ вздохнул и, не найдя иного выхода, оставил свой аппарат на служебной стоянке, после чего пешком направился к лифту.

Здание кинокомпании Манха было не только офисом, но и съемочным центром. Благодаря прогрессу технологий многие спецэффекты, которые раньше требовали компьютерной обработки, теперь создавались прямо в студии с помощью 3D-проекций. В небоскребе высотой более двухсот этажей верхние уровни занимали офисы, а ниже располагались тренировочные залы и съемочные павильоны.

Шань Хэ направлялся на 24-й этаж, где находилась гигантская крытая студия. Архитекторы объединили четыре этажа в один огромный зал высотой пятнадцать метров, способный вместить около трех тысяч человек. Только программа Onelove могла позволить себе такую площадку для обычного интервью.

Как только двери VIP-лифта открылись, Шань Хэ столкнулся с Хадэ. Окинув его внимательным взглядом, звездный менеджер наконец с облегчением выдохнул:

— Ну, слава богу...

В этих словах читалось двоякое значение: и то, что он приехал, и то, что не пришел в непотребном виде, пытаясь сорвать запись.

— Хм, — Шань Хэ бросил на Хадэ красноречивый взгляд. Теперь-то он испугался? А когда давил и манипулировал, чтобы заставить его согласиться, о чем думал?

Шань Хэ не стал спорить: он понимал, что Хадэ как менеджер прежде всего печется о выгоде. В шоу-бизнесе иначе нельзя.

До восьми оставалось пятнадцать минут, и Хадэ перешел к делу:

— А-Хэ, только что звонили от генерала. Сказал, что опоздает на пару минут. Ты же знаешь, это прямой эфир, начало ровно в восемь, так что первые минуты придется тянуть тебе одному.

— ... — Шань Хэ натянуто улыбнулся. Ничего не попишешь, это же генерал. Он потерпит.

— И еще... — Хадэ помедлил, глядя на выражение лица своего подопечного. — Смотри, не нервничай там. Веди себя как обычно, просто не нервничай...

— Понял, — коротко ответил Шань Хэ. Он решил, что Хадэ боится, как бы он не отказался сотрудничать, но он и представить не мог, что менеджер имел в виду нечто совсем иное.

Шань Хэ приехал поздно, зрители уже заняли места. Пройдя через VIP-вход, он не видел, что творится в зале, и, поспешно выключив световой мозг накануне, не имел ни малейшего представления о популярности генерала.

Поэтому, когда в восемь часов ведущий громко и восторженно объявил его имя и Шань Хэ на платформе поднялся на сцену, он был ошеломлен!

Зал, рассчитанный на три тысячи человек, был забит до отказа, люди стояли даже в проходах. А в первом ряду...

Если он не ошибается, то вон тот человек, сидящий с горящими глазами, словно фанат, — это же Гэрс, легенда индустрии, не сходящий с экранов уже двадцать лет?

А рядом с ним — самые популярные национальные иконы Империи?

А вон тот, что впереди, притворяется сотрудником с планшетом, но так и норовит прорваться на сцену — это же его босс, глава кинокомпании Манха?

Шань Хэ едва сдержался, чтобы не закрыть лицо руками. Флиртовать под прицелом босса и таких знаменитостей... Это же невыносимо стыдно!

Но самое постыдное было впереди. После короткого вступления программа перешла к основной части.

Они сидели друг напротив друга. Ведущий Джесс, известный своей прямоотой и умением разговаривать с любым, с восторгом посмотрел на Шань Хэ:

— Только что сообщили, что генерал прибыл в здание. Шань Хэ, ты скоро встретишься с человеком, с которым проведешь ближайшие сто двадцать дней. Что ты чувствуешь? Волнуешься?

Поймав взгляды зрителей, Шань Хэ постарался изобразить радостную улыбку:

— Да, волнуюсь.

Конечно, вранье. Это вы тут все волнуетесь! Он ни капли не хотел участвовать в этом шоу и изображать влюбленность с незнакомым мужчиной! И почему у всех такие завистливые лица?

Босс, звезды, вы же уже много лет женаты, у вас дети скоро в школу пойдут!

Хотя внутри у Шань Хэ все кипело от возмущения, внешне он сохранял спокойствие, внимательно слушая ведущего.

— Похоже, Шань Хэ тоже с нетерпением ждет начала. Еще бы, ведь генерал Рейно никогда раньше не появлялся на публике в неформальной обстановке. Я как фанат всю ночь не спал! А

ты, Шань Хэ, когда узнал, что станешь его партнером, представлял, каким он может быть в обычной жизни? Какой он, твой идеальный возлюбленный?

Какой генерал в быту? Он об этом даже не думал! Вчера весь вечер страдал от бессонницы, а в голове крутился только тот образ.

Шань Хэ решил ответить осторожно:

— Думаю, генерал должен быть...

В этот момент у входа в студию послышался шум. Шань Хэ невольно замолчал и повернулся в ту сторону.

Сотрудники как раз убрали защитные экраны, толпа расступилась, и в проходе показалась фигура.

Возможно, свет в коридоре был слишком ярким, поэтому Шань Хэ слегка прищурился. Человек шел против света — уверенная походка, прямая спина. Казалось, он излучает сияние, появляясь в зале с невероятным достоинством.

При виде вошедшего в голове у Шань Хэ что-то гулко отозвалось, а в горле пересохло.

Прошлая церемония награждения транслировалась через пятимерную голографическую проекцию, и реалистичность была поразительной, почти неотличимой от настоящей. Но как ни крути, запись есть запись — она не шла ни в какое сравнение с тем, чтобы увидеть его вживую.

Как только генерал появился в зале, шум мгновенно стих. Все взгляды устремились к нему, камеры развернулись, пытаясь поймать каждый жест.

Сравнивая себя с ним, Шань Хэ мысленно пролил слезы. Такое ослепительное появление — прерогатива главных героев романов, он действительно был любимцем богов.

Ах, как же он хотел себе такой же Золотой палец!

Но вслед за первоначальным шоком пришло восхищение, от которого было трудно оправиться.

Сегодня генерал был в парадной форме Меха-войск. Обычно они носили тренировочную одежду, а парадная надевалась лишь для официальных выходов.

Имперская форма Меха-войск напоминала военную форму времен Второй мировой войны, но была куда изысканнее. Строгий черный цвет подчеркивал дисциплину и хладнокровие бойцов,

а золотые пуговицы и нарукавные знаки добавляли элегантности. Но стоило взглянуть на эмблему с орлом на груди, как становилось не по себе: этот яростный орел символизировал стальную волю и беспощадную дисциплину.

И вот эта строгая, властная форма на Рейно вдруг приобрела оттенок запретного искушения. То ли дело было в бесконечно длинных ногах, то ли в узкой талии, то ли в его взгляде...

Шань Хэ не хотел признаваться, но ему показалось, что он слышит, как кто-то вокруг шумно сглатывает слюну.

Это же просто читерство! Когда он смотрел видео, то был подавлен лишь его аурой, но теперь, присмотревшись, не мог отвести глаз.

У Рейно было худощавое, благородное лицо с глубокими, четкими чертами: густые брови, прямой нос, плотно сжатые губы — все было безупречно. Но больше всего завораживали его холодные, отливающие синевой глаза, которые, казалось, видели человека насквозь, обнажая все тайные мысли.

От него веяло холодом и гордостью, но это лишь сильнее притягивало, заставляя людей бросаться к нему, словно мотыльки на огонь.

Шань Хэ мог поклясться: половина присутствующих уже мысленно протянула руки к этим ногам и талии, а другая половина — уже сорвала с генерала мундир.

Теперь Шань Хэ понял, откуда взялись те восемьсот миллионов голосов, и почему фанаты так яростно требовали, чтобы он немедленно набросился на генерала.

Внутри Шань Хэ боролся зверь. Хотя он твердил себе, что не хочет менять ориентацию, ситуация, похоже, начала развиваться в крайне странном направлении.

Напряженная тишина царила в зале до тех пор, пока ее не нарушил низкий, холодный, словно ледяной источник, голос:

— Мы собираемся снимать или так и будете стоять?

Голос был негромким, но подействовал как камень, брошенный в глубокий пруд: сначала пошли круги, а затем — волны.

Люди наконец опомнились. В зале слышались возбужденные шепотки. Даже те, кто обладал высоким статусом, едва сдерживались, чтобы не вскочить с мест. А в сети, где за трансляцией следили миллионы, началось настоящее безумие.

Те, у кого самообладание было покрепче, выли от восторга у экранов, а остальные уже вовсю облизывали мониторы.

— О боже, я не могу! Почему у моего бога такой голос?! Это же настоящий бас-сабвуфер!

— В высоком разрешении он еще прекраснее, я сейчас упаду! Любимый, я хочу от тебя детей!

— Лижу экран, почему он такой грязный?! Мой язык меня не слушается!

— Мои уши беременны! Почему он такой идеальный? Красивый, талантливый, а голос — просто чудо!

<http://bllate.org/book/18495/1775039>